

Шкаф

Ещё две недели – и лето!

И синее море, my love!

Мы бледны с тобой, как скелеты

В шкафу... (Может, вынести шкаф?)

Пусть лузер рыбачит на Рузе,
Весь год надрываясь как вол,
А мы улетим в all inclusive,
Ты хочешь, любовь моя, в all?

И там, охмелевши от горькой,
На линии передовой
Я лягу бесформенной горкой,
Ты встанешь напротив – звездой.

Курс счастья простого и лени
Хоть краток и редок, зато
Там с нами не прошлого тени,
А тени от пляжных зонтов.

Нам небо впитается в поры,
Как масло лавандовых трав.
А с моря вернёмся – и шторы
Раздвинем. И вынесем шкаф.

ЗОЖ

Для утра подойдёт любая сура,
Любой сырок творожный в день сурка.
Когда б вы знали, из какого сюра
Растут стихи и цены ЖКХ...

Я ждал её, расслабленный, в пижаме,
Судьба ж моя пришла не с вискарём –
Явилась в дом Фемидою с весами
(Напольными) и спортивным инвентарём.

И вот в стакане фреш до самой риски,
А в миске каша, скучная на вид,
Но верю я: в моё окно, как фрисби,
Однажды пицца счастья залетит!

Автобусное

Как только
освободилось место
в соседнем ряду,
она тут же отсела
от меня.
Почему?
Я был чисто побрит
и опрятно одет,
и пах дорогим коньяком,
а в руках держал
раскрытую
нарочито широко
книгу неплохого поэта
Андрея Коровина...
Ну да, конечно,
этим столичным стервам
только Бродского
подавай!

Шариков

Роскомзачистка. Главный офис.
Начальник ходит взад-вперёд,
И пересаженный гипофиз
Ничем себя не выдаёт.

Кому-то, может, светит ордер,
Ему же – орден и почёт,
Когда министр свободы Швондер
Его отчёт с утра прочтёт.

В отчёте – обыски, зачистки,
Облавы (как же без облав?).
Отдельно – списки, списки, списки:
Кругом враги – хоть всех облай!

Поставить подпись – и готово!..
Но вдруг рука, как тайный враг,
Здрав рукав сорочки новой,
Выводит слово «абырвалг».

* * *

Как низко сегодня небо!
Как близко оно от земли!
Боже, прими мою потребу –
Век мамы моей продли!

Я сыном хорошим не был,
Живя от неё вдали.
Боже, прими мою потребу –
Печали её утоли!
В груди моей слабой жженье,
Такое – хоть грудь разорви!
Но держит меня притяженье
Твоей и её любви!
Растёт надо мною небо,
Восходит дыханьем земли!
Боже, что хочешь требуй –
Лишь век моей мамы продли!

* * *

Я перелистываю тетради,
Перебираю вещи и сны.
Где же? Когда? На каком закладе
Я от тебя отказался, сын?

Я верил, что мир мой не будет прочен,
Если не будет всегда простым,
И ставил, и ставил, и ставил прочерк
В анкете напротив тебя... Прости...

Друзья гордятся детьми своими
(У младшего Машкиного мой нос).
А я... я успел тебе выбрать имя,
Но никогда его не произнёс.

Живи же, мой сын, на своей планете
И поливай свою розу...

Пы. Сы.

«А у него разве были дети?»

Не было.

Был нерождённый сын.

Мычание

Предчувствуя бездну как немоту,
Я больше не верю в молчание –
Даже в неволе на кляпе во рту
Можно сыграть мычание.

Я просто молчал, чтобы спать по ночам,
И было неплохо всё вроде, но
Вдруг оказалось: я так промолчал
И голос, и волю, и Родину.

Господи, дай же мне сил не молчать,
Дай голос хотя бы вполшёпота!
А надо – я буду мычать и мычать,
И набираться опыта!

Третий глаз

Вся жизнь – обрывки да обмылки,
Но вдруг случится чудо: раз! –
И за ночь где-то на затылке,
Как чирей, вскочит третий глаз.
Моё недремлющее око
Узрит все тайны бытия.
И мне откроется до срока
И жизнь моя, и смерть моя.

И буду ловок я и пылок,
Но вряд ли обрету покой.
... И снова я чешу затылок
Тревожной сонною рукой.

Связь

Небо моё с овчину,
Твоё – голубой атлас,
И нет ни одной причины
Остаться хотя бы на час.

Мы бились, как птицы, между
Этих больных небес.
Не подавай надежды,
Я должен привыкнуть – без.

В злобе, тоске и гневе
Не поминай добра.
В чёрном с овчину небе
Что ни звезда – дыра.

Время всегда проточно,
Небо – то шёлк, то бязь,
Не называй порочной
Непрочную нашу связь.

Дополненная реальность

В моей реальности всё подлинно,
Пока она тобой дополнена!
В ней всё – от близости до дальности –
Мне дорого без срока давности.

И беспричинные условности,
И благочинные формальности –
Всё это милые подробности
Тобой дополненной реальности!

Книга

Жил поэт – вся душа нараспашку!
Не унять молодецкий запал!
Он и бражку любил, и Палашку
И стишки между делом кропал.

А однажды он выкинул номер:
Вдруг лицо обратив к небесам,
Прошептал что-то, замер – и помер.
Был – и нет. Книжку вот написал.

Ничего не оставил он, кроме
Книжки этой: в две скрепки тетрадь.
Где-то есть и с надгробием холмик –
Даже имени не разобрать.

Этот холмик зарос медуницей
В окружении мраморных плит.
И к нему, словно дикая птица,
Одинокая книга летит.